Приезд семьи Чжан прервал внутренние распри семьи Шао.

Шао Дабао уставился на Шао Юя. Видя, что тот действительно не заботится о нём, он был так обеспокоен, что опустился на колени там, где стоял:

– Папа, ты не можешь игнорировать меня, я твой родной сын, которого ты кормил двадцать лет!

Шао Юй усмехнулся и сказал:

– Родной сын, которого я попусту кормил двадцать лет.

Увидев, что Шао Юй не купился на это, Шао Дабао снова посмотрел на Шао Сяокао, но та отвернулась.

С другой стороны, его мать Ван по-прежнему поддерживала с ним единый фронт, какое-то время глядя на своего мужа и дочь и надеясь, что вдвоем они смогут уговорить главу семьи:

– Хозяин, даже если Дабао ошибается, он все еще молод...

– Правильным путем нужно идти с молодых лет, – ответил Шао Юй.

Он повернул голову и успокаивающе взглянул на Шао Сяокао, чтобы его дочь могла расслабиться.

Сердце Шао Сяокао согрелось. Хотя отец ничего не сказал, интуиция подсказывала ей, что отец ни за что не позволит ей сегодня попасть в беду.

Шао Юй снова посмотрел на Шао Дабао и сказал:

– Вставай и открой дверь, ты же не хочешь, чтобы все увидели, как ты стоишь на коленях?

Шао Дабао какое-то время сопротивлялся, но в конце концов все же поднялся с пола. Под уговорами Шао Юя он сделал два шага к двери и снова остановился.

– Почему ты не открываешь дверь? – спросил его Шао Юй.

В это время Шао Дабао все еще надеялся справиться со странным внезапным гневом Шао Юя. Его разум был полностью занят собственной ситуацией после открытия двери. Он знал лучше, чем кто-либо, кем был Чжан Мэн.

Ему повезло. Несмотря на то, что у него было много игровых долгов, у него все еще был магазин и младшая сестра дома, так что Чжан Мэн ничего ему не сделал.

Но Шао Дабао видел, как Чжан Мэн расправлялся с людьми, которые не могли выплатить свои игровые долги.

На заднем дворе казино Чжан Мэн без колебаний отрезал мужчине руки и ноги. Шао Дабао до сих пор помнил жестокость в глазах Чжан Мэна и горячую кровь, брызнувшую на его лицо.

Отрезанные руки висят там до сих пор, и всех, кто не возвращает деньги, тащат на задний двор смотреть на эти руки.

Именно потому, что он видел это, Шао Дабао особенно испугался. Когда он подумал обо всем, с

чем ему придётся столкнуться после открытия двери, он почувствовал, что его запястья уже начинают болеть.

– Хозяин, в конце концов, Дабао – это кусок мяса с моего тела… – сказала супруга Ван, плача, и посмотрела на девушку рядом с ней.

Но Шао Юй строго охранял Шао Сяокао, и уже потому, что он боялся её мягкого сердца, он прямо закрыл её собой от взгляда супруги Ван.

Шао Юй без намека на снисхождение посмотрел на Ван Ши в слезах и соплях, затем сказал:

– Они у двери, они рано или поздно ворвутся, дверь лучше открыть сразу.

Шао Дабао отчаянно замотал головой, его глаза были полны отчаяния.

Шао Юй не пошевелился, он только сказал:

– Если ты не откроешь дверь сейчас, они её выломают.

Шао Дабао было всё равно, но сердце супруги Ван сжалось.

Для бедных семей, не говоря уже о двери, даже кусок дерева может оказаться невыносимой потерей.

Ван Ши не выдержала, шагнула вперед и отодвинула засов на двери.

В дом тут же ворвалась группа свирепых прислужников.

За ними, окруженный всеми, с нетерпеливым лицом, вошёл Чжан Мэн.

– Что? Чтобы уважить меня, ваша семья Шао закрывает дверь? – с насмешкой спросил он.

– Семья Шао не выдаст дочь замуж, – прямо сказал Шао Юй.

Чжан Мэн яростно посмотрел на Шао Юя, а затем на Шао Сяокао рядом с ним.

Шао Сяокао в страхе схватилась за край одежды отца, а Шао Юй прикрыл дочь собой.

– Не выдадите? – Чжан Мэн посмотрел туда-сюда, усмехнулся и сказал: – Вы сказали, что выдадите, а теперь не выдаёте. Я так много подготовил, вы все так шутите? Вы меня не уважаете?

Чжан Мэн был одет в свадебную одежду, слуги рядом с ним были аккуратно одеты, держали в руках музыкальные инструменты, играли и пели. Хотя это был третий раз, когда он женился, он устроил большое зрелище. В глазах посторонних, которые не знали подоплёку, Чжан Мэн, кажется, придавал большое значение этой семье Юэ.

Шао Юй улыбнулся, услышав его слова, и сказал:

– Во-первых, ты без свидетельства о браке, во-вторых, ты без свахи, в третьих, ты без приданого. В чём проблема, возвращайся.

Он еще раз взглянул на свадебное облачение Чжан Мэна и сказал:

– На манжетах твоего свадебного наряда есть несколько темных пятен. Сколько раз ты надевал его?

То, что сказал Шао Юй, действительно было правдой. Чжан Мэн надевал этот свадебный наряд три раза.

Затем Шао Юй спросил:

– Что это за грязь? Это масляные пятна или пятна крови?

Тусклые потёки на манжетах не отстирались, и сам Чжан Мэн не мог сказать, что это было.

– Что касается этих, – взгляд Шао Юя остановился на слугах, – команда, которую ты собрал, так молода, что её можно использовать для свадьбы твоего внука, поэтому не говори о том, как ты подготовился.

Брачная процессия Чжан Мэна была настолько велика, что за ней увязалось много людей, чтобы посмотреть на веселье. Хотя Чжан Мэн был жестоким и злым, все еще нашлось много смельчаков, которые протиснулись поближе, наблюдая за волнением. Услышав слова Шао Юя, они тут же рассмеялись и пересказали всё людям снаружи.

Чжан Мэн не мог сдержать своего лица, он яростно посмотрел на Шао Юя и выругался:

– Чепуха!

Шао Юй, все еще улыбаясь, сказал:

– Прости, я и в самом деле был неправ. Каждая твоя жена была забита тобой до смерти. Откуда возьмутся потомки?

– Черт, ты смеешь проклинать Лаоцзы? – услышав это, Чжан Мэн сразу же подскочил и замахнулся кулаком, чтобы ударить Шао Юя.

Шао Юй мог увернуться, но не сделал этого.

Он просто подтянул перед собой Шао Дабао, который был слишком ошеломлен, чтобы сопротивляться.

– Ой! – закричал Шао Дабао. Удар Чжан Мэна был очень сильным и чуть не переломал ему кости.

Ван Ши сразу расстроилась и укоризненно посмотрела на Шао Юя.

– Ты сказал, что у меня нет детей и внуков, сегодня я должен жениться на твоей дочери! – яростно сказал Чжан Мэн. Он не собирался попусту пререкаться с Шао Юем, поэтому поднял руку, чтобы дать команду своим людям ограбить его.

– Тот, кто должен карточный долг, вернет его, но моя дочь не выйдет за тебя замуж, – повторил Шао Юй, а затем толкнул все еще страдающего от боли Шао Дабао прямо в руки Чжан Мэна.

Он сказал ошеломленному Чжан Мэну:

– Если ты хочешь жениться, просто возьми его. Я согласен с этим браком.

Чжан Мэн тут же оттолкнул Шао Дабао и сказал:

– Ты что, шутишь? Глава семьи Шао, когда этот дядя был травоядным?

Шао Юй взглянул на него и сказал:

– Быть травоядным можно рассматривать как накопление добродетели и совершение добрых дел, так что это неплохая идея.

Чжан Мэн на мгновение был ошеломлен, а затем выругался:

– Что за чушь ты несешь?

Шао Юй взглянул на лицо человека перед ним и сказал:

– У тебя слишком много грехов, твоё будущее будет трудным и твоя смерть близка. Если ты сможешь накопить добродетель и с этого момента делать добро, у тебя еще есть шанс.

– Старик, ты смеешь проклинать меня, даже не думай выйти сегодня из этой двери! – отругал его Чжан Мэн.

Шао Юй тут же ответил:

– Это мой дом, сегодня мне не нужно выходить.

– Пфф, – снова засмеялась скопившаяся вокруг толпа.

Чжан Мэн впился взглядом в этого человека, чувствуя себя все более неспособным удержать свое лицо, и сказал слугам:

– Это его дом? Если у него долг по азартным играм и он не возвращает его, то разбейте его дом. Разнесите его в хлам!

Чжан Мэн изначально был тираническим человеком. В это время все было так неспокойно, и он боялся, что если он вообще не отреагирует, все скажут, что его легко запугать. Как тогда он сможет установить свой престиж среди людей?

Лицо супруги Ван было бледным, она смотрела на Шао Юя умоляющими глазами, а Шао Дабао давно уже прятался за спину матери, словно там он смог бы избежать своей судьбы.

– Хозяин, придумай что-нибудь.

Шао Юй взглянул на Ван Ши, затем на слуг, которые собирались громить его дом, и сказал:

– Подождите минутку.

Он явно был бесполезным стариком, но по какой-то причине он просто сказал одну фразу, и это утихомирило слуг семьи Чжан.

Они хотели выступить вперед, но когда глаза Шао Юя скользнули по ним, они вдруг почувствовали, что не могут двигаться.

Даже Чжан Мэн, на которого пристально посмотрел Шао Юй, почувствовал холодок в шее, но вскоре покачал головой, втайне думая, что старик сбил его с толку.

Он внимательно посмотрел, старик был все тем же стариком. Казалось, не было никакой разницы, и он отодвинул от себя сумятицу в своём сердце.

– Старик, ты боишься? Позволь мне сказать тебе, что если ты сейчас не поклонишься мне и не предложишь свою дочь и магазин, это дело не пройдет. – Чжан Мэн все еще был ненасытным.

Шао Юй взглянул на него, снова толкнул Шао Дабао в объятия Чжан Мэна и сказал:

– Это он играл в азартные игры, чего ты пристаёшь ко мне?

Чжан Мэн сразу же сказал:

– Это правильно и уместно вернуть долг, он твой родной сын, ты должен вернуть его долг!

Шао Юй махнул рукой и сказал:

– Говорят, что сын в долгу перед отцом, но я никогда не слышал, что отец в долгу перед сыном. Кроме того, я породил его и вырастил, обращаясь с ним по-доброму. Его долг передо мной тяжел, как гора, я его кредитор, как и ты, и мне он должен больше.

Рассуждения Шао Юя на мгновение ошеломили Чжан Мэна, он даже был почти что убеждён Шао Юем. Но он быстро опомнился и сказал:

– Что за беспорядок! Если ты и дальше будешь мешать мне жениться, то я сначала отрублю руки твоему сыну, а потом разобью твою лавку!

– Что ты собрался делать? Вот твой кредитор, но лавку мою не трогай, – ответил Шао Юй.

– Папа! Папа! Ты не можешь игнорировать меня! – Шао Дабао плакал и выл.

Чжан Мэн очень ясно представлял себе положение семьи Шао. Именно из-за этого он был уверен, что семья Шао отдаст либо магазин, либо дочь, но теперь Шао Юй был полон решимости не отдавать ему ни дочь, ни магазин. Выталкивание к нему Шао Дабао поставило Чжан Мэна в затруднение.

В прошлом, когда он собирал долги и грозил отрубить людям руки, эти люди поспешно отдавали ему свое семейное богатство и женщин.

Но сегодня Шао Юй был похож на медную горошину, которую нельзя есть. Магазин не отдаёт, дочь тоже. Он не хочет ничего давать.

Хотя Чжан Мэн был бесчеловечным тираном, он все равно хотел получить деньги. Если бы Шао Дабао смог украсть документы на семейный магазин, Чжан Мэн не был бы таким пассивным, как сейчас. Просто он все еще не верил, что отец действительно сможет игнорировать сына, и решил проверить это.

– Шао Дабао, твой отец не заботится о тебе. – сказал он, махнув рукой за спину.

Тут же вышли двое слуг из свадебной процессии. Они вынули кинжалы и схватили Шао Дабао, все еще находившегося в горестном состоянии.

Острое лезвие легло прямо на запястье Шао Дабао. Еще чуть-чуть нажать – и сразу же появится кровь.

Шао Дабао почувствовал, что его ноги подкосились, и если бы его не держали, он рухнул бы на землю.

При виде этой ситуации Шао Юю не понравился бесполезный внешний вид Шао Дабао, но он все же сказал:

– Парни, вы же сюда пришли, чтобы приветствовать своих родственников.

Чжан Мэн услышал эти слова и подумал, что Шао Юй хочет пощадить своего сына, поэтому он сказал:

– Теперь ты сожалеешь об этом? Твой магазин стоит таэль или два, лучше бы тебе отдать его за дочерью в качестве приданого. Как будущий муж, ради своего тестя я могу пощадить Шао Дабао.

Если бы документ на магазин не был спрятан Шао Юем, Чжан Мэн не был бы таким пассивным, как сейчас. Ему показалось, что Шао Юй, похоже, смягчился, и он тут же снизил тон.

Шао Дабао, находившийся рядом, тут же ударил змею палкой, плача и умоляя:

– Папа, ты спаси меня на этот раз, впредь я буду твоим хорошим сыном, ты можешь заставить меня делать все, что угодно, не оставляй меня одного!

Чжан Мэн тоже терпеливо ждал, полагая, что Шао Юй передумает.

Но Шао Юй занял твердую позицию и сказал Чжан Мэну:

– Я просто беспокоюсь, что ваши ножи недостаточно острые, и мой хороший сын будет страдать еще больше.

Шао Дабао плакал и плакал, а госпожа Ван, стоявшая рядом с ним, не могла больше молчать и обвиняла мужа:

– Хозяин, почему твоё сердце так жестоко, Дабао нельзя отрезать руки, ты только придумай выход!

Шао Юй взглянул на дешевую жену и сказал:

– Что тут плакать, даже если у него есть руки, он не поможет тебе связать фонарь, а если их отрубят, это спасет его от выхода на улицу и злоупотребления азартными играми. Этот тип по фамилии Чжан делает нам одолжение.

Когда Чжан Мэн услышал это, он неожиданно почувствовал, что в этом есть некий смысл, и даже начал задаваться вопросом, не помогает ли он Шао Юю.

– Папа, я научусь делать фонари, сейчас же научусь, –увидев, что Шао Юй игнорирует его, он повернул голову и закричал Шао Сяокао: – Сестра, научи меня делать фонари, я буду усердно учиться.

Шао Сяокао не могла этого вынести и хотела что-то сказать, но Шао Юй тут же остановил ее.

Супруга Ван тоже много плакала и говорила:

– Как хороший человек может потерять руку…

– Если у него нет рук, у него все еще есть жизнь. Если твоя дочь выйдет замуж в семью Чжан, она может лишиться жизни. Разве руки твоего сына сравняются с жизнью твоей дочери? – сказал Шао Юй.

– Вонючий старик, что за ерунду ты несешь, что значит лишиться жизни? Когда в нашей семье Чжан было такое, не брызгай грязной водой! – Чжан Мэн действительно был самодуром, но не настолько безрассудным, чтобы хвастаться этим.

– Ты смеешь убить свою жену, но не смеешь признать это? Ты можешь чётко объяснить, как погибли две твои жены? – намеренно громко спросил Шао Юй.

Чжан Мэн запаниковал, когда услышал эти слова и увидел людей вокруг себя, все они заговорили об этом.

– Что за ерунду ты несешь. – Чжан Мэн посмотрел на зрителей и объяснил: – Одна из моих первых двух жен заболела и умерла, а другая умерла при родах. Когда я думаю об этом, мне становится грустно, мое сердце словно режут ножом.

– Извини, но почему ты не хранишь к ней семейную почтительность? Она умерла всего два месяца назад. – сказал Шао Юй.

Чжан Мэн, который хотел притвориться добрым, вдруг запнулся и мог только сказать:

– Как они умерли, доктор Чжао из Хуйчуньтана может подтвердить, это из-за их плохой судьбы, я тут не при чём.

– Доктор Чжао – твой дядя, поэтому он, конечно, будет свидетельствовать в твою пользу. – Шао Юй небрежно раскрыл отношения между ними.

Зрители услышали и тут же стали обсуждать это. В округе не было секретов. Все часто слышали, как доктор Чжао хвастался своим могущественным племянником.

Шао Юй добавил:

– Соседи также подтвердят, что этот брак незаконен и возмутителен, а Чжан Мэн – нехороший человек. Мне жаль мою дочь, и это моё последнее слово.

Чжан Мэн сразу же сказал:

– Ты осмелился отменить его, я сейчас же отрежу Шао Дабао руку!

Шао Юй сказал:

– Если хочешь резать, то режь скорее, я уже заждался.

Будучи подстрекаемым им, Чжан Мэн вместо этого заколебался. Его целью никогда не были руки Шао Дабао. Ему нужен был магазин семьи Шао и их дочь.

Теперь, когда ему не желали отдавать семейный магазин Шао и не отдавали за него дочь , как Чжан Мэн мог заниматься таким убыточным бизнесом? Он разочарованно сказал:

– Хорошо, раз уж ты так хочешь, я отрежу твоему сыну руки прямо сейчас.

После разговора Чжан Мэн уставился на реакцию Шао Юя, он не верил, что Шао Юю это в самом деле безразлично.

Лицо Шао Дабао было бледным, его тело тряслось, и он почти потерял сознание.

Но когда Шао Юй услышал это, он только поднял брови и спросил:

– Это только один порез? Значит две руки можно обменять на пятьдесят таэлей игрового долга?

Шао Дабао завыл, услышав, что говорит отец.

Чжан Мэн пристально посмотрел на Шао Юя. В своей сфере деятельности он часто видел сыновей, не заботящихся об родителях, но редко можно было увидеть родителей, которые полностью игнорируют своих сыновей, особенно в семьях с одним ребенком.

Впервые увидев такого жестокосердого отца, он не мог не взглянуть на Шао Дабао.

– Отец! Мой родной отец! Ты не можешь игнорировать меня! Я корень старой семьи Шао! – крикнул Шао Дабао.

– Магазин является корнем старой семьи Шао, передаваемым из поколения в поколение, а ты что такое? – ответил Шао Юй.

– Хозяин… Если ты не хочешь отказываться от Сяокао, откажись от магазина… Если не будет магазина, ты сможешь заработать денег по-другому. Когда мы вместе, как семья, мы всегда сможем прожить дальше, – голос супруги Ван становился все ниже и ниже.

У семьи Шао не было земли и она зависела от этого магазина со скудной прибылью, а Шао Дабао уже просадил все деньги. Если семья будет ночевать на улице, она может не пережить эту зиму.

Этот результат на самом деле был ещё ужаснее, чем Шао Дабао, отрубивший себе руки или умершая дочь.

– Магазин нельзя отдавать, – заявил Шао Юй. На самом деле его не волновал магазин фонарей, но он был полон решимости преподать Шао Дабао урок.

Некоторые люди так и останутся блудными сыновьями, пока их не загонишь в безвыходное положение.

Чжан Мэн услышал это и добавил огонька, сказав:

– Предыдущий игровой долг можно погасить, отрубив обе руки, но сегодня ты обидел меня, и теперь тебе нужно добавить пару ног.

Глаза Шао Дабао помутнели, его руки и ноги пропали, он просто чувствовал себя мертвым.

Но Шао Юй, услышав такую угрозу, только спросил:

– Тогда что, если ты убьешь его вообще? Ты собираешься дать мне за него денег?